

ГЕНРИХ ГОФМАН

ГИТЛЕР БЫЛ МОИМ
ДРУГОМ.

ВОСПОМИНАНИЯ
ЛИЧНОГО ФОТОГРАФА
ФЮРЕРА. 1920-1945

Генрих Гофман

**Гитлер был моим другом.
Воспоминания личного
фотографа фюрера. 1920-1945**

«Центрполиграф»

Гофман Г.

Гитлер был моим другом. Воспоминания личного фотографа фюрера. 1920-1945 / Г. Гофман — «Центрполиграф»,

Военный фотограф Генрих Гофман познакомился с Гитлером в Мюнхене на заре нацистского движения. Он сразу почувствовал, что начинающий политик далеко пойдет, и сделал все, чтобы стать его личным фотографом. Долгое время Гофман был единственным, кому разрешалось фотографировать фюрера в неформальной обстановке. Он рассказывает о дипломатических поездках, в которых сопровождал Гитлера. Описывает его в частной обстановке – в окружении друзей, женщин, иностранных политиков. У читателя есть возможность узнать, каким был в частной жизни фанатичный безумец, уничтоживший миллионы людей в мечте о власти над миром.

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Генрих Гофман

Гитлер был моим другом. Воспоминания личного фотографа фюрера

Глава 1

МОЙ ФОТОАППАРАТ И КАЙЗЕР

«Фотограф Гитлера». Наверно, этих двух слов хватит, чтобы напомнить обо мне тем, кто заинтересуется и спросит себя: кто такой этот Генрих Гофман?

По роду занятий я всегда был фотографом, а по склонности горячим поклонником искусства, издателем художественных журналов и страстным художником-любителем, хотя и скромных способностей. Свой путь в профессии я начал в солидной фотостудии отца и, когда пришел черед, стал опытным мастером своего дела. За много лет короли и князья, великие художники, певцы, писатели, политики и прочие люди, прославившиеся в какой-то области, замирали перед моим объективом на те несколько секунд, которые только и требовались мне, чтобы увековечить человека и событие.

Именно так, благодаря своей профессиональной деятельности, я и соприкоснулся впервые с Адольфом Гитлером – это было случайное задание, из которого выросла глубокая и долгая дружба, дружба, не имевшая ничего общего ни с политикой, в которой я мало разбирался и которая еще меньше заботила меня, ни с корыстью, ибо в то время из нас двоих я занимал куда более прочное положение. Эта дружба возникла из столкновения двух импульсивных натур, и в основе ее лежало отчасти общее увлечение искусством, а отчасти, быть может, притяжение противоположностей – некурящего трезвенника и аскета Гитлера, с одной стороны, и бесшабашного бонвивана Генриха Гофмана – с другой.

Но эта же дружба удерживала меня на протяжении самых неистовых, самых бурных и хаотичных лет мировой истории рядом с человеком, сыгравшим в них ключевую роль. До Гитлера – фюрера и канцлера Третьего рейха мне не было дела; но Адольф Гитлер – человек оставался моим другом с первой встречи до самого дня его смерти. Он отвечал мне такой же дружбой, я пользовался полным его доверием. В моей жизни его фигура занимает значительное место.

В 1897 году я занялся семейным делом в качестве ученика и помощника. Над студией на площади Иезуитов в Регенсбурге, которую мы делили с отцом и дядей, важно красовалась помпезная вывеска с гордой надписью:

ГЕНРИХ ГОФМАН, ПРИДВОРНЫЙ ФОТОГРАФ
его величества короля Баварского
его высочества эрцгерцога Гессенского
его высочества герцога Томазо Генуэзского,
принца Савойского

Эта вывеска обошлась владельцам довольно дорого, ибо, чтобы получить разрешение на использование такого титула, пришлось заплатить кругленькую сумму в канцелярии оберцеремониймейстера. Но отец и дядя не упускали возможности подчеркнуть, что это звание они заработали честным трудом, а не купили взяткой. Они действительно фотографировали не одну королевскую особу из династии Виттельсбахов, а также эрцгерцога Гессенского и Рейнского, герцога Генуэзского и многих других высокопоставленных лиц. В признание их похвальных достижений в искусстве фотографии и в знак особой благодарности принц-регент

Люитпольд Баварский презентовал им золотую галстучную булавку с большой, выложенной бриллиантами буквой L, и каждое воскресенье партнеры-фотографы спорили о том, чья очередь закалывать галстук королевским подарком!

Когда я начал работать, главной моей задачей было следить за состоянием подголовников и подлокотников, которые мы использовали в то время из-за долгой экспозиции, чтобы наши блистательные клиенты не слишком утомились и не заработали себе прострел. Кроме того, в мои обязанности входило вытирать пыль со всех остальных принадлежностей, обязательных для любого уважающего себя фотоателя. Например, у нас были лодка с поднятыми парусами, скорлупа гигантского яйца, куда сажали младенцев, как будто аист не просто принес новорожденного, а высидел его из яйца как положено, и всякие прочие глупости.

Сама наша фотостудия была обставлена а-ля дом Макарта – в стиле когда-то знаменитого венского художника Ганса Макарта, славу которому принесла его грандиозная картина «Вход Карла V в Антверпен». Когда эту картину впервые выставили в Вене, она вызвала всеобщий ажиотаж. В изображенных на ней нагих куртизанках многие женатые мужчины венского общества узнали своих супругов, явно позировавших художнику, который в самой добросовестной и исчерпывающей манере увековечил их на полотне. За выставкой последовала череда самоубийств и разводов.

В то время я прямо-таки ненавидел Макарта, потому что копии его букетов, обильно развешанные по стенам студии, его позолоченные вазы с лепными украшениями и картинные рамы собирали на себе неимоверное количество пыли.

Однажды в воскресенье, когда я уже собирался закрывать фотостудию, вошел неизвестный человек.

– Я хочу сфотографироваться! – отрезал он.

Приличествующим образом выразив свое сожаление, я сказал, что тут нет никого, кто мог бы выполнить его желание.

– Вы же здесь! Вы меня и сфотографируйте!

Я отказался.

– Простите, – сказал я, – боюсь, мне не хватит опыта.

Однако незнакомец не принял отказа и начал вести себя угрожающе. Тогда я решился с оговорками, что не гарантирую качество снимка. Человек, не обращая на меня никакого внимания, прошел в гардеробную и вынул из чемодана новый костюм. Уложив снятую одежду в чемодан, он замер перед фотокамерой. Я накинул черную ткань, навел объектив и пролепетал обычно: «Пожалуйста, улыбайтесь и смотрите в объектив!» Сердце у меня едва не выпрыгнуло из груди.

Человек продолжал стоять без всякого выражения, как памятник. Отстояв положенное время, мой упрямый клиент удалился, оставив чемодан и заявив, что заберет его потом вместе с фотографиями. Снимок вышел как нельзя лучше. Я гордо продемонстрировал его отцу и дяде. Но заказчик так и не вернулся ни за фотографией, ни за своими пожитками.

Через несколько недель мы решили открыть чемодан, и там, кроме старого костюма, оказались кошелек, набитый золотыми монетами, и духовое ружье. Полиция установила, что деньги и чемодан принадлежали крестьянке, которую нашли убитой в окрестностях Регенсбурга. Позднее также выяснилось, что убийца выманил жертву из дома, подражая кудахтанью перепуганных кур! Однако сделанная мною фотография представляла для полиции больший интерес, чем находка. Ее разместили во всех полицейских участках на досках под заголовком «Разыскивается», и таким образом мой первый снимок стал настоящей сенсацией.

В 1900 году я закончил свое ученичество, но мне пришлось оставаться в семейном деле до совершеннолетия. В 16 лет я оказался в Дармштадте, где меня взял к себе Хуго Тъеле, придворный фотограф эрцгерцога Гессенского. Самым интересным для меня было, когда мне раз-

решали ассистировать на съемке членов семейства эрцгерцога, которые частенько заглядывали к моему патрону.

Примерно в то же время на Матильденхёхе открылась так называемая «Художественная колония» при поддержке эрцгерцога. Эта выставка показала новые перспективы в архитектуре и изобразительном искусстве, имела большой успех во всей Германии и заметно повлияла не только на немецкую живопись, но и на фотографию, которая стала освобождаться от старых баронских драпировок, пальм, зубчатых стен и прочих уродливых и напыщенных аксессуаров, загромождавших фотографические студии. Их место заняли естественное освещение и простая обстановка, придававшие портретной фотографии совершенно иной вид. Выдающийся дармштадский фотограф Веймер первым отбросил все эти атрибуты прошлого и попробовал сменить искусственность портрета в неподвижной позе на легкость и натуральность. Если только была такая возможность, он всегда предпочитал фотографировать заказчиков в их собственных домах, в непринужденной, знакомой атмосфере, а не приглашать их к себе в фотоателье.

Когда нас вызывали в эрцгерцогский дворец, чтобы сделать несколько снимков, как это часто случалось, наш визит всегда сопровождался большим волнением. Двор эрцгерцога, благодаря тесным семейным связям, породнившим его со всеми могущественными королевскими домами Европы, в то время занимал важное место, совершенно несоразмерное величине государства. Из трех сестер тогдашнего эрцгерцога Эрнста-Людвига, а я видел их всех, когда они позировали для фотографии во время визитов к брату, одна вышла замуж за князя Генриха Прусского, вторая обвенчалась с членом российского императорского дома, а третья, принцесса Виктория-Елизавета, стала женой принца Людовика Баттенбергского, который позднее стал маркизом Милфорд-Хайвен.

В то время на меня сильно действовала аура трагической грусти, окружавшая российских аристократок как предзнаменование ужасной участи, которая постигла их в будущем. Царица всегда держалась робко и отстраненно в присутствии незнакомых людей, казалось, она испытывала облегчение, когда заканчивался фотографический сеанс. Ее гораздо более красивая сестра, жена великого князя Сергея, была изящней и естественней. Позднее я узнал, что, когда ее мужа убили, она посетила убийцу в камере московской тюрьмы и с поистине ангельским терпением расспрашивала его, почему он это сделал, и что в конце концов она простила его, словно истинный ангел милосердия.

Считалось само собой разумеющимся, что наши блистательные клиенты не должны испытывать ни малейшего неудобства, и мы изо всех сил старались насколько возможно ускорить процесс фотографирования. Любая задержка с установкой аппарата в нужное положение, любой затянувшийся поиск подходящей позы влекли за собой резкую отповедь и повеление поторапливаться. Эрцгерцог и его родные быстро утомлялись и легко теряли терпение.

Во дворце оборудовали темную комнату, и мы проявляли фотопластинки сразу же после экспонирования. Таким образом, если снимок оказывался неудачным, его можно было тут же переснять. Проявка входила в мои обязанности. Однажды, когда у эрцгерцога гостила супруга великого князя Сергея, я спешил в нашу фотолабораторию, и тут неизвестный мне господин спросил, нельзя ли ему пойти вместе со мной, поскольку он интересуется процессом проявки.

Я от души предложил ему идти со мной. По время работы я спросил его, как ему кажется, не удастся ли мне мельком поглядеть на эрцгерцога. Я объяснил, что мне особенно интересно потому, что глава нашего семейного фотоателье носит гордый титул «придворного фотографа эрцгерцога Эрнста-Людвига Гессенского и Рейнского», а я, хотя и довольно часто бывал во дворце, до сих пор еще ни разу его не видел.

– Тем более, – продолжал я, – что на самом деле я подданный эрцгерцога, потому что мой отец родился в Дармштадте и служил в белых драгунах.

– Думаю, это можно устроить, – улыбнулся мой гость, и, когда мы вместе уходили из темной комнаты, он поблагодарил меня и дал мне неплохие чаевые.

Я был заинтригован и спросил слугу, что это за господин.

Оказалось, что это не кто иной, как эрцгерцог собственной персоной, и он дал мне талер со своим портретом!

В 1901 году я считал, что настала пора двигаться вперед в освоении фотографического искусства, и отправился в Гейдельберг, где работал у Лангбейна, университетского фотографа. Лангбейн специализировался на фотографировании «мензурного» фехтования – знаменитых дуэлей немецких студентов, – мои же обязанности состояли в том, чтобы подкрашивать форменные шапки и пояса студенческих корпораций.

В те дни студенты задавали тон в Гейдельберге, его величество студент властвовал безраздельно – как в нашей фотостудии, так и повсюду в городе. Я уверен, что у многих пожилых господ над столом в кабинете висит какая-нибудь из тех «мензурных» фотографий, над которыми мы так усердно трудились. Каждого участника, а иногда группы участников нужно было сфотографировать отдельно в студии. Затем каждую фигуру нужно было очень аккуратно вырезать и приклеить на фотографию пустого дуэльного зала, который образовывал задний план. После всего этот коллаж надо было снять повторно, и конечный результат производил впечатление яростного поединка в самом разгаре. Чтобы получить нужную перспективу, все фигуры на втором плане нужно было соответствующим образом уменьшить, и Лангбейн, безусловно, обладал исключительным опытом и умел добиваться самого реалистичного и правдоподобного результата.

В 1902 году я снова пустился в путь – на этот раз во Франкфурт, где работал в фотостудии Теобальда, специализировавшегося на солдатских портретах. «Военный фотограф» не занимал видного места среди мастеров этого дела, но я утешался мыслью, что для того, чтобы овладеть всеми навыками, нужно браться за все.

Фотоателье находилось прямо напротив казарм. Самым важным для нас было воскресенье, в этот день сыны Марса валом валили к нам, чтобы запечатлеть себя во всем великолепии парадной формы. Иметь дело с военными очень сложно. Чуть что они хватались за оружие, и малейшая складочка на форме приводила их в ярость. За всякой мелочью нам приходилось следить зорко, как ястребам. Большой популярностью пользовались раскрашенные фотографии, они давали мне возможность чуть-чуть заработать на стороне. Подцвечивание фотографии стоило одну марку; те, кто хотел ярко раскрасить только шнуры, платили пятьдесят пфеннигов, а с тех, кто хотел, чтобы их еле пробивающиеся усики смотрелись более мужественно, я брал тридцать пфеннигов. Одну половину того, что я зарабатывал «халтурой», приходилось отдавать моему работодателю, а другую половину он регулярно выигрывал у меня по вечерам за карточным столом.

Когда я начал работать у Теобальда, мне хотелось реформировать искусство солдатской фотографии. Обычно юные воины становились в позу, которая называлась «непринужденной», уставившись в камеру неподвижным стеклянным взглядом, как будто ожидая, что из нее в любой момент извергнется поток ефрейторской ругани. Я хотел отказаться от этих снимков в стиле надгробных памятников и уговаривал их принять более свободную позу и сделать такое лицо, которое должно быть после слов «улыбнитесь, сейчас вылетит птичка». Но все мои попытки ни к чему не привели. Как-то я уговорил одного солдата как бы небрежно встать коленом на край стула, и результат оказался убийственным – по фотографии казалось, что в армию взяли солдата с деревянной ногой!

Я недолго пробыл у Теобальда, потому что хотел только получить некоторый опыт в этой области, но не собирался специализироваться в ней, и в начале 1903 года я перешел на свое следующее место – гамбургскую фотостудию Томаса Войта, знаменитого фотографа при императорском дворе. Это, конечно, была совершенно другая работа. В Гомбурге, одном из самых

элегантных и модных минеральных курортов Германии, любили отдыхать британские и русские принцы, великие князья, мультимиллионеры и аристократы всего мира. Большой интерес неизменно вызывали международные теннисные турниры, ибо сливки общества считали для себя престижным показаться на них; и я пожинал богатую жатву вокруг теннисных кортов.

Среди множества эксцентричных сановников, с которыми мне приходилось встречаться в Гомбурге, был Чулалонгкорн, король Сиам. Он всегда заказывал свои портреты почти в полный рост, и вдобавок мы их раскрашивали как можно художественнее. Затем гигантские фотографии упаковывали в оцинкованные ящики и отправляли в Сиам. Однажды его величество не моргнув глазом оплатил представленный ему счет на 27 тысяч золотых марок.

Однажды мне поручили сделать фотографию великого русского князя Михаила Михайловича, но, увы, сохранить ее для потомков не удалось. Надо признаться, что его императорское высочество так императорски надрызгался, что снимок просто «съехал с пластинки», как говорят профессиональные фотографы. Я сделал больше дюжины снимков – и в темноте лаборатории совершенно ясно увидел прискорбный итог своей работы!

Одно из самых волнующих переживаний я испытал, когда фотографировал кайзера. 5 ноября 1903 года моему шефу приказали явиться, чтобы сделать фотографии по случаю исторической встречи кайзера с русским царем Николаем в старом Висбаденском замке. В замке герр Войт все приготовил к съемке и поставил меня караулить в коридоре, чтобы я предупредил его, когда появится кайзер. Дождался я его долго.

(Августейшие особы всегда заставляют себя ждать. Сначала ты не знаешь, чем себя занять, а потом, когда они наконец-таки соизволят прибыть, они становятся чертовски нетерпеливы!)

В конце концов я увидел, как по темному коридору ко мне приближается чья-то фигура, в которой мне удалось различить только бороду и встопорщенные усы в характерном стиле кайзера Вильгельма II, которые между собой мы звали «ура!». Но когда он подошел поближе, я увидел, что на нем штатское платье – визитка, так что он никак не мог быть кайзером. И действительно, это оказался его личный парикмахер Хаби, который изобрел сетку для усов, чем весьма прославил усы кайзера Вильгельма.

Наконец прибыл и кайзер. Вильгельм II, почетный полковник бесчисленных иностранных полков, пожелал сфотографироваться в форме каждого из них! И тут началось! – из одного мундира в другой: то полковник российской гвардии, то британский полковник, то полковник королевских венгерских гусар, – кавалерийские, пехотинские и артиллерийские мундиры сменяли друг друга так, что рябило в глазах. Самое большое впечатление на меня произвел доломан венгерского гусара, расшитый золотыми галунами, позднее этот снимок стал очень популярным.

В другой раз, когда кайзер ненадолго остановился в замке Фридрихсрух под Гомбургом, я узнал, что он принял приглашение герра Маркса, супрефекта округа, который пользовался большим уважением кайзера. Я подумал, что может получиться отличная фотография, и разузнал, когда и где состоится визит. На каких-то строительных лесах перед виллой герра Маркса я установил фотоаппарат и прилежно нацелил его на то место, через которое обязательно должен будет пройти кайзер на обратном пути. Передо мной расположились несколько армейских ветеранов в сюртуках и цилиндрах, с разноцветными орденскими лентами на груди. Несмотря на свои упитанные брюшки, они изо всех сил старались стоять прямо, как палка, хотя их усилия не всегда увенчивались успехом.

Над блестящей крышей из цилиндров возвышалась моя фотокамера, неподвижно нацеленная на выбранную точку, рядом с ней на леса взгромоздился и я, словно курица на насест, глядявываясь поверх моря голов, готовый в любой миг спустить затвор. И вдруг слышу:

– Кайзер идет!

Нарастающий гул приветственных криков встретил его появление. Ветераны с верно-подданническим восторгом бросали цилиндры в воздух, приветствуя своего военачальника и повелителя. И я сумел сфотографировать только кучу парящих в воздухе цилиндров! К тому времени, когда цилиндры – и волнение – улеглись, от кайзера не осталось и следа – ни во плоти, ни на фотопластинках!

Некоторое время спустя удача улыбнулась мне. Когда кайзер вместе со своим высокопоставленным дядей королем Англии Эдуардом VII осматривал Заальбург, старый римский замок, перестроенный по его распоряжению, я сделал серию фотографий, которые впоследствии опубликовали ведущие газеты всего мира. На одной из них кайзер с сестрами и его сановный гость стояли рядом с последней моделью «даймлера», который поразил Германию своей роскошью и элегантностью.

У Войта я пробыл три года, в курортный сезон работал в Гомбурге, а зимой в его франкфуртских фотоателье. Потом я перебрался в Швейцарию, где в течение какого-то времени сотрудничал в Цюрихе с известным фотографом Камилло Руфом.

Руф был одним из самых выдающихся фотографов своего времени. Мне очень нравилось с ним работать. Но тогда я уже мечтал открыть собственную фотостудию, и Руф помог мне реализовать эти честолюбивые планы, вверив моим заботам два небольших филиала его фотоателье, где я мог экспериментировать и валять дурака сколько душе угодно.

После Швейцарии я вернулся в Мюнхен. Несмотря на то что до сих пор я полностью отдавал свои силы приобретению опыта в своей профессии, в моем сердце все еще сохранялось желание стать художником. Но отец мой был категорически против и разрешал мне дальше изучать искусства и живопись только в той мере, в какой они касались моего занятия как фотографа.

Так, я изучал технику рисунка у профессора Книрра в Мюнхене, посещал лекции по анатомии профессора Мольера в Мюнхенском университете и некоторое время проработал в Париже под руководством знаменитого фотографа Ройтлингера, специализировавшегося на персонах из высшего общества и прекрасных женщинах.

Для меня это был год ничем не омрачаемой радости, но после передышки в качестве беспечного любителя искусств мне, увы, пришлось вернуться к своей профессии.

Довольно долго я лелеял в душе желание познакомиться с Англией, и в 1907 году, опираясь на превосходные рекомендации и практический опыт, я набрался смелости перебраться через Ла-Манш, обуянный оптимистической идеей, что Англия только и дожидается моего приезда.

Однако резюме, которое я попросил составить на английском языке, мне неизменно возвращали, присовокупив к нему несколько добрых слов и холодную улыбку. К моему опыту относились уважительно, но никто не мог мне ничего предложить. Деньги катастрофически заканчивались, и тут, в критическую минуту, на помощь пришел чистый случай, как часто бывало в моей жизни.

В один прекрасный день я получил рекомендательное письмо к знаменитейшему английскому фотографу Е.О. Хоппе от профессора Эммериха, основателя Мюнхенского учебно-исследовательского института фотографии. Этот мастер фотографического искусства принял меня, как старого друга семьи. Однажды он пригласил меня на традиционное чаепитие, и там я познакомился с некоторыми известными художниками и фотографами.

Когда гости стали расходиться, Хоппе попросил меня задержаться, и мы сразу же перешли к делу.

– Каково ваше финансовое положение? Сколько вы можете заплатить? – спросил Хоппе, делая первый шаг.

Боюсь, у меня был не слишком умный вид, когда он огорошил меня этими вопросами. Сколько я могу заплатить? Вот я, перед ним, у меня есть общепризнанные навыки в профес-

сии, значительные достижения, которыми я мог гордиться, весомые рекомендации – и меня просят заплатить за возможность работать! Несмотря на некоторое замешательство, я без оценок описал ему свое положение.

– К сожалению, я не могу позволить себе заниматься фотографией в качестве хобби, – сказал я. – Этим я зарабатываю на хлеб. И между прочим, я, может быть, еще и поспособнее вас!

Хоппе на минуту задумался.

– Вот что, – сказал он, – приходите и поработайте у меня несколько дней, тогда посмотрим, что можно с вами сделать.

Так вышло, что в ближайшие дни мне пришлось поехать на французско-британскую выставку, чтобы сделать фотографии ее колониального отделения. Едва я взялся за работу, как зал, в котором я находился, сотряс оглушительный грохот. Я схватил камеру и бросился наружу сквозь толпу, охваченную паникой. Что произошло? Оказалось, что привязной аэростат, бывший одним из дополнительных экспонатов, взорвался и рухнул на землю. Трупы лежали вперемешку с ранеными, окровавленными людьми, корчившимися от боли; дымящиеся, еще не потухшие остатки аэростата возвышались зловещим фоном, и я, установив аппарат, быстро сделал несколько снимков ужасной катастрофы.

Снимки оказались хорошего качества и произвели сенсацию.

Благодаря случаю я далеко обошел своих конкурентов. Фотографии Хоппе – на самом деле мои – напечатали все ведущие газеты в Англии и за границей, а «Дейли миррор» поместил одну из них на первой полосе. Мой шеф получил хороший куш в виде авторских гонораров, да и на мою долю пришлась кругленькая сумма. Мой успех произвел на Хоппе большое впечатление, и он взял меня на постоянное место, очень скоро я уже работал фоторепортером. Таким образом взорвавшийся шар придал начальный импульс моей последующей карьере в качестве фоторепортера.

Хоппе специализировался на портретах, и в этом деле он был настоящим мастером. Еще он превосходно владел техникой линогравюры, и за то время, что я провел с ним, я многому научился. В числе прочего он задумал издать фотоальбом под заголовком «Люди XX века» и доверил мне фотографировать британских знаменитостей. Выполняя это задание, я получил доступ в те сферы, куда иначе вход мне был бы закрыт.

Выдающиеся личности, чьи имена не сходили с уст публики, позировали перед моим объективом, и вскоре я уже приобрел собственный стиль, заслуживший одобрение даже Королевского фотографического общества. Один снимок у меня приняли для эксклюзивной ежегодной выставки, а в 1908 году еще один мой снимок напечатали в «Фотографиях года» Сноудена Уорда – тщательно отобранной коллекции лучших фотографий 1908 года.

Вскоре после этого Хоппе на несколько месяцев уехал за границу, и у меня не осталось иного выбора, кроме как попытаться самостоятельно встать на ноги. В таком городе, как Лондон, это оказалось нелегкой задачей. Я открыл фотомастерскую на Аксбридж-роуд и нанял натурщиц, которых фотографировал для рекламы книг и плакатов в иллюстрированной прессе. Однако основной доход мне приносили премии. В то время я участвовал в огромном количестве конкурсов, и мне порядком везло, так что мое имя неоднократно оказывалось в списке призеров.

Я круглые сутки ломал голову над тем, как мне оживить свое дело. Наконец у меня появилась одна идея. Я взял сборник «Кто есть кто» и выбрал всех знаменитостей, которые в том году должны были отмечать юбилеи. Я навещал их лично и говорил, что хочу сфотографировать их для иллюстрированных газет. Человеческое тщеславие – очень сильное чувство, и они почти без исключений охотно позволили себя сфотографировать. Естественно, каждому я послал по бесплатному экземпляру, и, так как фотографии были действительно хороши, я получил немало заказов еще на несколько копий за дополнительную плату. Теперь мой биз-

нес неуклонно шел в гору, и очень скоро я накопил достаточно средств, чтобы подумывать об открытии собственного фотоателье на родине.

В 1909 году я вернулся в Мюнхен. Мне нравилось в Англии, но... в гостях хорошо, а дома лучше.

В начале 1910 года я снял фотомастерскую в доме 33 по Шеллингштрассе. Я решил специализироваться на мужских портретах, но, если ко мне заходила какая-нибудь дама, изъявляя желание сфотографироваться, я, естественно, не имел ничего против.

В начале весны того же года ко мне в фотоателье вошла молодая женщина.

– Я столько слышала о вашем художественном мастерстве, герр Гофман, – сказала она с очаровательной улыбкой, – я хочу попросить вас сделать один особенный портрет для моей подруги, которая сейчас за границей.

Это была прелестная девушка, высокая, белокурая и стройная, с грацией и сияющим румянцем идеального здоровья и молодости – от такой картины ни один художник не сможет оторвать взгляда.

Я всегда был импульсивным человеком, и мне редко приходилось в этом раскаиваться. Что до меня, то я влюбился с первого взгляда. Либо я буду с этим прелестным созданием, подумал я, либо ни кем на всем белом свете!

Я хорошо сделал ее первый портрет, хотя моему восхищенному взору он казался жалкой подделкой. Но Лелли он понравился. К моему бесконечному восторгу, оказалось, что она увлекается фотографией и вроде бы по-настоящему интересуется искусством и техникой фотографии. У нее вошло в привычку заглядывать ко мне, чтобы спросить совета и помощи. Один бог знает, что за вздор я лепетал под видом профессиональных указаний, сам не свой от волнения; но она казалась вполне довольной, и до всего остального мне не было дела. Постепенно до меня дошло – хотя я не смел поверить в то, что это правда, – что ее интересовали не только искусство и наука фотографии. Может ли быть, что она?..

Быстро пролетели несколько волшебных месяцев, улащенных простыми восторгами тех, кто молод и влюблен, и в начале 1911 года мы поженились. Я был еще довольно беден, и на медовый месяц денег у нас не хватило. Утром состоялось бракосочетание, а через несколько часов мы стояли бок о бок в моей фотостудии, полностью погрузившись в работу. Интерес моей жены к фотографии не оказался женским капризом, и первые дни нашей совместной жизни она была для меня большой поддержкой, да к тому же идеальной моделью для множества журнальных обложек, которые я делал для печати.

Так мало-помалу моя известность и клиентура стали расти. Однажды осенью 1911 года я получил записку, где говорилось, что меня желает немедленно видеть главный редактор «Мюнхнер иллюстрирте цайтунг» герр Фюрстенхайм.

– Только что в Мюнхен прибыл Карузо, – сказал он, – и, если вы мне достанете его фотографию, я вам по-царски заплачу, не будь я Фюрстенхайм. Мне нужна его фотография на первой полосе.

Я тут же поспешил в отель «Континенталь», где остановился Карузо, и через несколько минут удостоился аудиенции – конечно, не самого Карузо, но его импресарио Леднера, которому я изложил свое пожелание, прибавив, что «Мюнхнер иллюстрирте» хочет опубликовать снимок на первой полосе.

Импресарио внимательно выслушал меня и потом с извиняющимся выражением лица объяснил, что Карузо не разрешено позировать для фотографий.

– Все права на фотографии, – сказал он, – принадлежат американскому агентству. Но если вам просто нужна фотография, берите какую хотите, у нас есть из чего выбрать.

Это предложение я с благодарностью отклонил. Меня не интересовали фотографии, сделанные кем-то другим.

– Но ведь Карузо публичная фигура, – возразил я, – наверняка ему очень трудно скрыться от фотографов.

– О, вам никто не мешает снять его где-нибудь на улице, – ответил Леднер. – Контракт ограничивается студийными портретами. Можете сфотографировать его, когда он будет выходить из отеля.

Когда же примерно это может случиться, спросил я его. И мне было сказано, что Томас Кнорр, соучредитель и собственник «Мюнхнер иллюстрирте цайтунг», в то время ведущей южногерманской газеты, пригласил Карузо на обед.

Перед отелем уже собралась в ожидании целая толпа моих коллег-фотографов, они уже успели установить свои фотокамеры и нацелить их на двери отеля. «Если я сольюсь с этой ордой, – подумал я, – прощай мой царский гонорар! Все эти ребята бросятся со своими фотографиями к Фюрстенхайму. Нужно придумать что-нибудь получше». Минуту я раздумывал, а потом меня осенила блестящая идея.

Я направился к дому Томаса Кнорра. Он жил в настоящем дворце на Бринерштрассе, обставленном с самым утонченным вкусом и бывшем одним из средоточий культурной жизни баварской столицы. Меня встретил вежливо-холодный и почти неприступный слуга.

– Мне нужно поговорить с герром Кнорром по срочному делу, – сказал я.

– Могу я осведомиться, в какой связи?

– Прошу вас сказать ему только слово «Богема», – хладнокровно ответил я. («Богема» – это опера, которой Карузо открывал свои мюнхенские гастролы.)

Слуга молча скрылся. Чуть погодя он вернулся:

– Герр Кнорр просит вас войти.

Когда я очутился лицом к лицу с владельцем самой влиятельной газеты во всей Баварии, я собрал в себе все остатки храбрости. «Пожалуйста, – взмолился я про себя, – пусть только меня не оставит наглость!»

– Откуда вы узнали, что Карузо будет у меня? – заинтересованно спросил Кнорр.

– Боюсь, я не имею права раскрыть источник сведений, – ответил я, многозначительно улыбаясь. – Однако могу сказать вам, что мне поручили сделать фотографию Карузо в этой обстановке, – что в каком-то смысле было правдой, ведь меня все-таки просили сделать нечто в этом роде.

– Ага, понимаю! Вы хотите сказать, это был сам Карузо! – воскликнул герр Кнорр.

У меня в мозгу промелькнула старая поговорка о том, что молчание – золото. Я не промолвил ни слова, и Кнорр принял мое молчание за знак согласия. Он явно был очень доволен тем, что Карузо пожелал сфотографироваться в его доме рядом с хозяином. Честно говоря, меня прошиб пот. Только бы получилось!

Наконец в сопровождении импресарио приехал Карузо. Я направился к герру Леднеру и преувеличенно радостно приветствовал его, словно старинного приятеля. Признаться, вид у него был несколько обескураженный, сначала – когда он увидел меня в этом месте, а потом – потому что я, пожалуй, слегка переиграл с изъяслением дружбы. Со своей стороны Карузо, кажется, предположил, что меня ради этого случая пригласил герр Кнорр.

Все прошло как по маслу. Они оба замерли перед фотоаппаратом, и я сделал несколько снимков. Потом я как можно скорее убрался из дома. Еле справляясь с волнением, я проявил пластинки, и, к моей радости, снимки оказались отличного качества.

Когда я положил отпечатки перед Фюрстенхаймом, он просиял. Эти портреты сделали мне имя. Разумеется, пробные отпечатки я отослал «на одобрение» Карузо в гамбургский отель «Атлантик», и они ему тоже очень понравились, так что он заказал довольно большую партию копий, которые я отправил ему вместе со счетом внушительной величины!

Когда в 1919 году Карузо вернулся в Мюнхен, он подарил мне собственноручно нарисованный шарж с автографом – хотя давным-давно уплатил по счету.

В карьере любого газетного фотографа наверняка бывает случай, когда тот или иной снимок создает сенсацию, но не столько из-за достоинств самой фотографии, сколько из-за придуманной к ней подписи. Во время злополучного цабернского инцидента совершенно безобидная фотография кайзера Вильгельма II вызвала международный фурор только из-за подписи, с которой она появилась в печати.

В начале 1913 года в городке Цаберн произошли некоторые события, приобретшие размах международного инцидента. Один очень молодой и неопытный лейтенант из местной военной школы заявил, что в округе и в самом Цаберне полно «рenegатов». Этим словом – чрезвычайно оскорбительным местным ругательством – обозначали ненадежные элементы среди приграничного населения Эльзаса¹.

Население, как можно представить, сильно возмутилось, печать подлила масла в огонь, и в один миг отношения между военными и гражданскими лицами категорически испортились. Некоторые молодые люди прямо на улице выкрикивали оскорбления в адрес офицеров. Инцидент, сам по себе малозначительный, привел к тому, что в Цаберне ввели военное положение, что очень встревожило все государство. В город вошли вооруженные войска, установили пулеметы, и под барабанную дробь жителям было приказано уйти с улиц и площадей, иначе будет открыт огонь.

В понедельник 1 декабря рейхсканцлер Германии фон Бетман-Гольвег и военный министр фон Фалькенхайн доложили о ситуации кайзеру, который в то время находился в Донауэшингене. В то время я тоже случайно оказался в Донауэшингене по заданию газеты «Дивохе», чтобы сделать несколько фотографий кайзера, принявшего приглашение поохотиться с принцем Эгоном Фюрстенбергским.

Совещание кайзера с министрами по цабернскому делу должно было проходить в полной изоляции в парке Донауэшингенского замка. Однако с молчаливого согласия принца мне разрешили прокрасться в парк, строго запретив попадаться кому-либо на глаза, и, стоя за деревом, я стал дожидаться прибытия кайзера.

Наконец его величество появился в сопровождении фон Бетман-Гольвега. Некоторое время он оживленно разговаривал с министрами и генералом Даймлингом, местным главным командующим, а несколько офицеров почтительно стояли в стороне. В ту минуту, когда кайзер отвернулся от рейхсканцлера и обратился к одному из офицеров из стоявшей неподалеку группы, я щелкнул его так, чтобы на пластинку не попали офицеры.

На следующий день, разбирая отпечатки, предназначенные для прессы, я нашел среди них один снимок, который, как мне показалось, может вызвать недоразумение. Я отложил его подальше в сторону, чтобы ненароком не перепутать с фотографиями для печати.

Через несколько дней я случайно увидел «Иллюстрасьон», самую знаменитую французскую газету, и не мог поверить своим глазам. Передо мной та самая отвергнутая фотография, а под ней значилась сенсационная подпись: «Кайзер отворачивается от канцлера, не сойдясь во мнении по цабернскому делу!»

Через ассистента, злоупотребившего моим доверием, «Иллюстрасьон» получила снимок и присовокупила к нему весьма тенденциозную подпись.

Мое скромное дело продолжало процветать, мы с женой были счастливы и в браке, и в работе, которой мы с таким увлечением занимались вместе. Конечно, монархия предоставляет фоторепортеру интересные и весьма прибыльные возможности, и удача не обходила меня стороной. Но я посвящал больше внимания искусству, чем политике или светским новостям, и в творческих кругах мои связи были действительно многочисленны. Все прославленные звезды

¹ Население Эльзаса, аннексированного Германией в 1871 году, было резко недовольно политикой насильственного немечивания. (Примеч. пер.)

театра и музыки – дирижер Бруно Вальтер, Рихард Штраус и многие другие – в тот или иной момент оказывались перед объективом моего фотоаппарата.

3 февраля 1912 года родилась дочь Генриетта и привнесла новую радость и удовлетворение в нашу семейную жизнь, которая шла своим чередом, слава богу, в блаженном неведении о годах кровопролития, бедствий и хаоса, которые мрачными тучами надвигались на нас.

Последствия сараевского убийства разрушили мою жизнь, как и жизни миллионов других людей всего мира.

Вечером того дня, когда произошло убийство, я сидел в известном мюнхенском «Кабаре папы Бенца». Мне сообщили, что в популярном кафе в центре города начались бесчинства. Я поймал такси и помчался домой за фотоаппаратом. Когда я добрался до Карлстора, то увидел, к чему приводит энтузиазм, направленный не в то русло. Знаменитое кафе «Фарих» было совершенно разгромлено! Мебель, стекло, посуда – все валялось в мелких осколках, собравшаяся толпа подбирала кирпичи с соседнего строительного участка и швыряла их в окна с зеркальным стеклом.

Я пробрался через дыру в одном из зияющих окон и сделал несколько снимков. К тому времени, как я вышел, полиция уже приехала на место и разводила возбужденную толпу в разные стороны. Один из полицейских подошел ко мне и сказал, что должен конфисковать пластинки. Я без возражений передал их ему, так как уже принял меры предосторожности и передал коробку с пластинками другу. Потом я спросил одного из демонстрантов, из-за чего сыр-бор. «Оркестр, – пылая возмущением, сказал он, – отказался сыграть «Вахту на Рейне».

Через несколько дней я получил телеграмму: «Ваше назначение военным фотографом утверждено тчк сообщите 22 отдел разведки Меце тчк Генштаб».

В 1914 году во всем рейхе было всего семь военных фотографов, а в Баварии я был один.

Меня назначили военным фотографом «под собственную ответственность и за собственный счет» и отправили на Западный фронт, где я присоединился к III Баварскому армейскому корпусу. Название должности «военный фотограф» не совсем верно, так как я получил разрешение фотографировать только на линиях коммуникаций, и лишь в очень редких случаях какой-нибудь офицер по доброте своей брал меня с собой на передовую.

Несмотря на эти ограничения, сделанные нами фотографии получали высокую оценку и в тылу, и за рубежом.

Одна моя фотография представляет значительный интерес для истории. В мюнхенском дворце Преизинга мне удалось сфотографировать независимого ирландского лидера Роджера Кейсмента перед самым его отъездом в Ирландию. Германия поддерживала Кейсмента, ему дали задание вернуться в Ирландию и поднять там восстание. Его предали, и британцы арестовали его сразу же, как только он высадился на берег, судили как шпиона и расстреляли.

Примерно через семь месяцев войны была сформирована «кинофотослужба», и мы получили более официальный статус. Нас зачислили на военную службу как солдат, и мы стали подчиняться военному закону и дисциплине. Меня самого направили в летучий отряд № 298, где в мои обязанности входило проявлять и классифицировать фотографии воздушной разведки – признаюсь, не слишком увлекательное занятие, хотя и очень важное.

В конце октября 1918 года меня прикомандировали к части в Шлейсхайме, где формировалось новое подразделение для отправки на фронт. Но оно так и не добралось до фронта, поскольку 8 ноября по указанию военного министерства мы получили разрешение посетить, если будет такое желание, массовый политический митинг.

Сам я воспользовался увольнительной не для того, чтобы пойти на митинг, а чтобы поспешить домой и сменить военную форму на штатское платье, переключившись тем самым с военных действий на революционные события.

Революционный штаб располагался в «Метезере» – и это бесспорно демонстрирует, что во всех случаях Мюнхен отдает явное предпочтение пивным погребкам! На следующий день Совет солдатских и рабочих депутатов провозгласил революцию в баварском парламенте.

Ранним утром 9 ноября, щеголяя самодельной красной повязкой на рукаве и с фотоаппаратом под мышкой, я уже был на ногах. Не без труда мне удалось пробраться в здание парламента. Здесь у меня был шанс посмотреть на наших новых правителей и одновременно сделать самые первые фотографии только что сформированного Совета солдатских и рабочих депутатов. Красная повязка сослужила мне отличную службу.

Работа фоторепортера стала весьма увлекательным, но и опасным занятием. Очень скоро мне удалось запечатлеть своей камерой всех главных героев, а мой снимок нового баварского премьер-министра Эйснера – первый из череды последовавших снимков – появился во всех немецких и зарубежных газетах.

21 апреля 1919 года граф Арко застрелил Эйснера. Этот роковой выстрел привел к мятежу радикалов, который окончился их победой и провозглашением рабоче-солдатской республики.

Мюнхен был охвачен волнением, улицы полнились кричащими, жестикулирующими людьми. Я снова надел красную повязку и бродил по улицам с фотоаппаратом, стремясь увековечить картины истории, творившейся на моих глазах. Остановились предприятия, трамваи перестали ходить. Исполнительный комитет Совета рабоче-солдатских депутатов призвал к всеобщей забастовке. Баварский парламент сбежал в Бамберг.

Однако в день всеобщей забастовки по крайней мере у меня работы было по горло. На Людвигштрассе вылилась массовая демонстрация; Эгельхофер, командующий Красной армией и одновременно комендант Мюнхена, стоял на грузовике напротив Людвигскирхе и отдавал честь огромной колонне, маршировавшей мимо него.

Я яростно щелкал затвором везде, где только мог, и отправлял в карманы пластинку за пластинкой. Поглощенный работой, я краем уха услышал, как кто-то сказал: «Берегитесь этого фотографа», но не придавал им значения.

Внезапно грубые руки схватили меня, и я очутился между двумя революционными солдатами с ружьями и ручными гранатами, засунутыми за пояс. Под аплодисменты толпы меня увели и доставили к заместителю коменданта, сидевшему за столом в маленькой комнатке спиной ко мне. Прошло несколько тревожных минут, в течение которых он ни разу не посмотрел на меня. Наконец он повернулся.

Я не поверил своим глазам. «Бог ты мой! – подумал я. – Это же Алоис, мой бывший помощник!»

Он тоже сразу меня узнал.

– Эгельхофер, наверно, ошибся, – сказал он, поворачиваясь к солдатам. – Это же герр Гофман, мой старый друг. – Он обернулся ко мне: – Ведь Эгельхофер не знает, – продолжал он извиняющимся тоном, – что вы были моим самым честным шефом!

Фотоаппарат мне возвратили, и от заместителя коменданта я получил письменный пропуск, дающий разрешение фотографировать все, что мне вздумается.

Разрешение удалило все препятствия с моей дороги. Я был официальным уполномоченным фотографом рабоче-солдатской республики! Масса интереснейших фотографий быстро пополнила мой архив, но, к сожалению, мало какие из них уцелели.

Однако одного человека не хватало в моей коллекции портретов революционных вождей – красного коменданта города Эгельхофера. Эгельхофер был выходцем из мюнхенских окраин и практически в одну ночь оказался на посту главнокомандующего Красной армией и городского коменданта. Под охраной своей красной повязки я отправился в логово льва на Эттштрассе, где раньше располагалось управление полиции, а теперь Эгельхофер устроил свою штаб-квартиру. В приемной я написал короткую записку, в которой заверял коменданта, что

если один из наиважнейших героев революции не войдет в мои исторические архивы, это будет весьма прискорбным упущением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.